

А. И. АЙБАБИН, Э. А. ХАЙРЕДИНОВА

К ВОПРОСУ О “НОВОМ” КОМПЛЕКСЕ ИЗ МОГИЛЬНИКА ЛУЧИСТОЕ

В вышедшем в 2000 г. пятом томе серии *Colloquia Pontica* опубликована статья М.Казанского и М.Трейстера “Несколько раннесредневековых вещей из некрополя Лучистое (Крым) (*Quelques objets du Haut Moyen-Age provenant de la nécropole Loutchistoé (Crimée)*)” [1, p. 89-96]. В статье рассматриваются несколько вещей, приобретенных московским Музеем изобразительных искусств им. А.С.Пушкина у частного коллекционера. Со слов последнего, вещи были куплены непосредственно у грабителей, самолично проводивших “подпольные раскопки” на территории могильника у с. Лучистое. Погребальный контекст находки остался неизвестным.

Приведем дословно цитату авторов: “Набор включает две фибулы из металлической пластины, две орлиноголовые пряжки и пряжку с прямоугольным щитком и овальным кольцом. Согласно информации продавцов, все эти вещи происходили из одной могилы, содержащей, без всякого сомнения, несколько погребений и сопровождалась десятком бусин, фибулой в виде цикады, перстнем с круглой жуковинной, украшенной в стиле клуазоне (гранаты и стеклянная паста), а также двумя другими орлиноголовыми пряжками” (“*Le lot comprend deux fibules en tôle métallique, deux plaques-boucles décorées de têtes d'aigles et une plaque-boucle à plaque rectangulaire et boucle ovale. Selon les informations données par les vendeurs, tous ces objets provenaient d'une tombe, contenant sans aucun doute plusieurs inhumations, et ils étaient accompagnés d'une dizaine de verres, d'une fibule en forme de cigale, d'une bague à chaton circulaire portant un décor cloisonné (grenats et pâte de verre) et, enfin, de deux autres plaques-boucles décorées de têtes d'aigles*”) [1, p. 89].

Похвально стремление авторов ознакомить археологов с названными находками. Однако вызывает недоумение тот факт, что М.Казанский и М.Трейстер, знакомые с методикой археологических исследований не понаслышке, даже не пытаются поставить под сомнение происхождение дошедших до них через третьи руки вещей. Тем более, что один из авторов – М.Казанский, на протяжении трех полевых сезонов участвовавший в раскопках могильника, должен знать обо всех реальных попытках ограбления некрополя в 1994-1997 гг. Авторы с удивительной “доверчивостью” пересказывают сочиненную продавцами легенду и с их слов не только написали о происхождении изданных вещей из Лучистого, но и объединили их в один комплекс. Понятно стремление грабителей приписать вещи хорошо известному в археологической литературе могильнику и объявить их закрытым комплексом. Таким образом проводится своеобразная научная “отмывка”, то есть легализация вещей, их “паспортизация”, позволяющая значительно повысить рыночную стоимость находок. Кстати, неясна судьба не проданных в ГМИИ вещей, но якобы найденных вместе с публикуемыми.

Принадлежность названных вещей могильнику у с. Лучистое весьма сомнительна. Некрополь известен с 1971 г., а его систематические исследования ведутся с 1982 г. С

1971 г. все попытки грабительских раскопок на территории могильника тщательно фиксируются не только археологами, но и сотрудниками милиции и органов государственной безопасности, взявшими памятник под свою охрану. В 1971 г. на территории могильника местными жителями были разграблены остатки разрушенных оползнем погребальных сооружений. Среди вещей, изъятых у грабителей, была и пара двупластинчатых фибул с накладками, аналогичных описанным в статье М.Казанского и М.Трейстера. В настоящее время они хранятся в фондах Крымского республиканского краеведческого музея [2, с. 122, рис. 10]. В фонды названного музея переданы и вещи, изъятые в 1994 г. у пойманных на месте преступления грабителей. Выявленные в 1996 и 1999 гг. на территории могильника грабительские шурфы столь незначительны, что не позволяют говорить о масштабности "подпольных" работ, в результате которых были бы найдены указанные в публикации вещи. Ведь для обнаружения склепа, подобного описанному со слов грабителей М.Казанским и М.Трейстером, на территории могильника с мощным оползневойм слоем необходимо провести серьезные земляные работы. Кроме того, на месте грабительских раскопок были бы зафиксированы обломки человеческих костей со следами окисла от крупных пряжек и фибул. Сложная геологическая ситуация могильника у с. Лучистое затрудняет его исследование, но, вместе с тем, служит природной преградой от хищнического разграбления.

Опубликованные орлиноголовые пряжки и двупластинчатые фибулы [1, fig. 1,1,2; 2], якобы найденные в Лучистом, безусловно относятся к продукции мастеров Юго-Западного Крыма. Такие вещи были широко распространены в названном регионе, о чем свидетельствуют их многочисленные находки в погребениях из могильников Эски-Кермен, Баштановка, Чуфут-Кале, Скалистое, Суук-Су и Лучистое [3, с. 270, 272-273]. На протяжении второй половины V–VII вв. орлиноголовые пряжки и двупластинчатые фибулы были составной частью этнического женского костюма варваров Юго-Западного Крыма – региона, отождествляемого исследователями с описанной Прокопием страной Дори, населенной готами [3, с. 105, 107-111; 4, с. 109-110]. Аналогичные вещи могли быть найдены на любом из средневековых могильников Юго-Западного Крыма. В течение 1990-х годов грабительские раскопки велись на сельских могильниках в округе Мангула, на Южном берегу – в окрестностях г. Ялты. Грабителями практически полностью уничтожен один из сельских некрополей городища Бакла – Баклинский овраг.

Особого внимания заслуживает третья из публикуемых пряжек – пряжка с прямоугольным щитком [1, fig. 1,3]. По мнению авторов, пряжка данного типа уникальна для Крыма ("Cette plaque-boucle, qui est l'unique de ce type en Crimée...") [1, p. 93]. Действительно, совершенно идентичные пряжки в Крыму не известны. Однако, типологически близкие пряжки с прямоугольными щитками с завитками, выделенные А.И.Айбабиным в 3 вариант, найдены в погребениях из Чуфут-Кале, Скалистого, Суук-Су и Керчи [5, с. 30-31, рис. 25; 26, 1]. М.Казанский и М.Трейстер не обратили внимания и на весьма существенную деталь конструкции пряжки. Речь идет о заклепках – гвоздиках с большими полусферическими шляпками, расположенных по углам щитка и предназначенных для фиксации пряжки на ремне и скрепления верхней и нижней пластины щитка. Именно эта деталь позволяет говорить если не о местном производстве пряжки, то хотя бы о ее ремонте местными мастерами. Остроготские прототипы крымских пряжек украшены по углам щитка гнездами со стеклянными или каменными вставками и скреплены гвоздиками с маленькими плоскими шляпками [6, Tav. IX, 1; XXXVI, 1; IL, 4; LXII, 3]. В Юго-Западном Крыму гвоздиками со шляпками снабжены все пряжки с прямоугольным щитком с изображением крестов или животных вариантов 4-6 и многие пряжки 1 и 3 вариантов [5, рис. 24, 1, 2, 5, 6; 25, 6].

Вызывает удивление попытка исторической интерпретации авторами нескольких находок остроготских вещей VI в. в Крыму: "весьма вероятно, что во время готских войн в

Италии группа остроготовов была депортирована Юстинианом в Крым для усиления защиты понтийской границы империи" ("Il est très possible que lors des guerres gothiques en Italie un groupe d'Ostrogoths ait été déporté par Justinien en Crimée, pour renforcer la défense de la frontière pontique de l'Empire") [1, p. 94]. Авторы не конкретизируют, о каком именно регионе Крыма идет речь – о Юго-Западном или о Восточном. Между тем, политика Византии по отношению к каждой из этих областей в эпоху Юстиниана достаточно подробно освещена в письменных источниках. Напомним, что в первый год царствования Юстиниана в Боспоре для охраны границы государства и города были размещены "... ромейские или итальянские войска, известные как испанцы" во главе с трибуном. Вполне очевидно, что речь идет о расквартированных в Южной Италии подразделениях, сформированных из испанцев [3, с. 94-95]. Связывать с этим событием появление на Боспоре остроготских женских фибул и пряжек не уместно, тем более, что вскоре византийский гарнизон был уничтожен гуннами, захватившими город. В ответ на последние события в 527/528 гг. император отправил из Фракии войска, в составе которых, согласно сообщениям Иоанна Малалы и Иоанна Никиусского, были и готы [3, с. 95]. Прибывшие с византийскими войсками из Подунавья готы, видимо, поселились в Боспоре с семьями. Очевидно, тогда и привезли в город не только остроготские, но и гелидские пальчатые фибулы и большие пряжки [3, с. 100].

Деятельность Юстиниана в Юго-Западном Крыму весьма обстоятельно описана Прокопием Кесарийским. Византийский историк не сообщает ни каких либо перемещениях остроготовов Италии "для усиления защиты понтийской границы империи" в названный регион. Напротив, Прокопий отмечает, что местные готы, жители страны Дори "...отправлялись вместе с римлянами в поход, когда они шли на своих врагов, всякий раз, когда императору было это угодно" [7, с. 224, III, VII, 13].

Весьма спорны и хронологические эскерсисы М.Казанского и М.Трейстера, стремящихся удревить вещи на одно или два десятилетия. Тем более, что для своих хронологических построений авторы не приводят новых аргументов, а используют хронологические индикаторы, положенные в основу датировок А.К.Амброза и А.И.Айбабина. Так, по мнению авторов, выделенную А.И.Айбабиным 7 хронологическую группу крымских древностей конца VI – первой четверти VII вв. следует отнести к последним десятилетиям VI – самому началу VII вв. [1, p. 93]. Свою дату М.Казанский и М.Трейстер аргументируют следующим образом: "... закрытые комплексы 7 группы хронологии А.И.Айбабина... абсолютная дата которой опирается на монету 582/597-602 гг., найденную в могиле 77 из Суук-Су, содержат дунайские пряжки типа "Суцидава". Последние не выходят за предел самого конца VI в." ("... des ensembles clos du groupe 7 de la chronologie d'A.I. Aibabin... dont la datation absolue s'appuie sur une monnaie de 582/597-602 découverte dans la tombe 77 de Suuk-Su, contiennent des plaques-boucles danubiennes du type Sucidava. Ces dernières ne sont pas postérieures à l'extrême fin du VIe siècle") [1, p. 92]. Монету Маврикия из могилы 77 некрополя Суук-Су авторы относят к 582/597–602 гг., к периоду всего правления императора. Однако они не обратили внимания на тот факт, что названная монета – чеканенный в Херсоне медный тетрадуммий с изображениями Маврикия и его жены Константины на аверсе и их сына Феодосия на реверсе [8, с. 23]. Многие нумизматы относят начало выпуска монет с изображением Феодосия к периоду его коронации 26 марта 590 года [9, с. 341; 10, с. 363; 11, с. 22-23]. W.Wroth, допуская, что на монетах изображен не ребенок, а юноша, считал возможным связать выпуск "семейных" монет с предполагавшимся в 596-597 гг. разделом империи, по которому Константинополь и восток страны отходил Феодосию [12, p. XXII]. По мнению Ph.Grierson херсонские монеты чеканились в 602 г., в самом конце царствования Маврикия [13, p. 373].

М.Казанский и М.Трейстер, вслед за С.Уэнце поддерживают точку зрения Й.Вернера об ограничении времени бытования пряжек типа "Суцидава" гибелью византийских крепостей Дунайского лимеса в самом конце VI в. [14, S. 184-187]. Правда, согласно

письменным источникам эти крепости продолжали свое существование до 614-615 гг., как, например, крепость Царичин Град, в византийском слое которой найдены названные пряжки [15, с. 179, табл. XI,26,27]. З. Вински отмечал, что пряжки типа "Суцидава" носили в византийском Подунавье и после 600 г. [16, s. 39]. В Крыму пряжки типа "Суцидава" находились в употреблении и в первой половине VII в. [5, рис. 2,95]. В склепах 80 из Чуфут-Кале, 107 из Скалистого вместе с пряжками лежали детали геральдических поясных наборов VII в. [5, рис. 2,104,128,155; 17, с. 12, рис. 5,4,6-11]. В склепе 153 могильника Суук-Су на костяке с пряжкой типа "Суцидава" зачищена В-образная пряжка 6 варианта первой половины VII в. [5, с. 40, рис. 2,96; 39,8; 18, с. 117, табл. XV,17].

Как явствует из выше сказанного, взятые М.Казанским и М.Трейстером в качестве хронологических индикаторов монета Маврикия 590/597-602 гг. и пряжка типа "Суцидава" показывают несостоятельность предложенной авторами корректировки хронологических рамок 7 группы крымских древностей. Датировка каждой из хронологических групп, выделенных А.И.Айбабиным, базируется не на отдельных находках, а на основании неоднократной встречаемости серии однотипных вещей в составе закрытых комплексов и стратиграфии погребений в многослойных склепах [3, с. 249-284; 5, с. 59-64]. Безусловно, хронология раннесредневековых древностей Крыма может уточняться и корректироваться. Однако, это возможно на основании введения в научный оборот новых закрытых комплексов.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Kazanski M., Treister M. Quelques objets du Haut Moyen-Age provenant de la nécropole Loutchistoeé (Crimée) // Les sites archéologiques en Crimée et au Caucase durant l'Antiquité tardive et le haut Moyen-Age. Colloquia Pontica, volume 5. Textes réunis et présentés par Michel Kazanski et Vanessa Soupault. Leiden, Boston, Köln, 2000.
2. Когонашвили К.К., Махнева О.А. Средневековая Фуна // Феодалная Таврика. Киев, 1974.
3. Айбабин А.И. Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь, 1999.
4. Хайрединова Э.А. Женский костюм с южнокрымскими орлиноголовыми пряжками // МАИЭТ. 2000. Вып. VII.
5. Айбабин А.И. Хронология могильников Крыма позднеримского и раннесредневекового времени // МАИЭТ. 1990. Вып. I.
6. Bierbrauer V. Die Ostgotischen Grab- und Schatzfunde in Italien. Spoleto, 1975.
7. Прокопий Кесарийский. О постройках. М., 1996.
8. Репников Н.И. Некоторые могильники области крымских готов // ИАК. 1906. Вып. 19.
9. Кулаковский Ю.А. История Византии. Т. II. СПб., 1996.
10. Орешников А. Херсоно-византийские монеты // Труды Московского Нумизматического Общества. М., 1905. Т. III.
11. Соколова И.В. Монеты и печати византийского Херсона. Л., 1983.
12. Wroth W. Catalogue of the Imperial Byzantine Coins in the British Museum. Vol. 1. London, 1908.
13. Grierson Ph. Catalog of the Byzantine coins in the Dumbarton Oaks Collection and the Whittemore Collection. Vol. I. Washington, 1968.
14. Uenze S. Die spätantiken Befestigungen von Sadovec. Ergebnisse der Deutsch-Bulgarisch-Österreichischen Ausgrabungen 1934-1937. München, 1992.
15. Кондић В., Поповић В. Царичин Град. Утврђено насеље у византијском Илирику. Београд, 1977.
16. Vinski Z. Kasnoantički starosjedoci u salonitanskoj Regiji Prema arheoloskoj ostavstini predslavenskog supstrata // Vjesnik za arheologiju i historiju dalmatinsku. Split, 1975. LXIX/1967.
17. Веймарн Е.В., Айбабин А.И. Скалистинский могильник. Киев, 1993.
18. Репников Н.И. Некоторые могильники области крымских готов // ЗООИД. 1907. Т. XXVII.

A. AIBABIN, E. CHAJREDINOWA

ZUM „NEUEN“ FUNDKOMPLEX AUS DEM GRÄBERFELD BEIM DORF LUTSCISTOE

Im Band 5 (2000) von *Colloquia Pontica* erschien der Beitrag von M. Kazanski und M. Treister „*Quelques objets du Haut Moyen-Age provenant de la nécropole Loutchistoe (Crimée)*“ [1, S. 89-96]. Die Verfasser untersuchen einige Grabfunde, die sich das A.S.Puschkin-Museum für bildende Künste (Moskau) bei einem Sammler angeschafft hat. Der letzte hat diese Funde bei den Räufern gekauft, die selbst „illegale“ Ausgrabungen im Bereich des Gräberfeldes von Lutschistoe durchgeführt hätten. Alle Fundumstände dieser Grabbeigaben sind unklar.

M.Kazanski und M. Treister berichten: „Le lot comprend deux fibules en tôle métallique, deux plaques-boucles décorées de têtes d'aigles et une plaque-boucle à plaque rectangulaire et boucle ovale. Selon les informations données par les vendeurs, tous ces objets provenaient d'une tombe, contenant sans aucun doute plusieurs inhumations, et ils étaient accompagnés d'une dizaine de verres, d'une fibule en forme de cigale, d'une bague à chaton circulaire portant un décor cloisonné (grenats et pâte de verre) et, enfin, de deux autres plaques-boucles décorées de têtes d'aigles“ [1, S. 89].

Das Bestreben der Verfasser, die Forscher mit den obengenannten Funden bekannt zu machen, ist lobenswert. Die Autoren, die mit archäologischen Forschungsmethoden gut vertraut sind, versuchen aber befremdlicherweise die Herkunft von den aus dritter Hand stammenden Funden sogar nicht zu bezweifeln. Ausserdem hat M. Kazanski selbst an den Ausgrabungen auf dem Gräberfeld teilgenommen und weiss sicher von allen in den Jahren zwischen 1994 und 1997 wirklich unternommenen Raubversuchen Bescheid. Die Autoren erzählen sehr vertraulich die Legende der Verkäufer nach, bezeichnen nach deren Worten die Funde als Grabinventare von Lutschistoe, die ein Fundkomplex bilden. Ganz verständlich ist der Wunsch der Räuber ihre Funde dem in der archäologischen Literatur gut bekannten Gräberfeld zuzuschreiben und sie als ein geschlossenes Fundkomplex zu erklären. Auf solche Weise können die Funde „wissenschaftlich legalisiert“ und „dokumentiert“ werden. Sie steigen dadurch wesentlich im Preis. Apropos, das Sicksal der dem Museum unverkauften Funde von dem sogenannten „lutschistischen Fundkomplex“ bleibt ungewiss.

Die vorliegenden Funde wurden kaum auf dem Gräberfeld von Lutschistoe freigelegt. Die Nekropole ist seit dem Jahre 1971 bekannt, ihre systematischen Untersuchungen beginnen im Jahre 1982. Von dieser Zeit an werden alle Versuche der Raubgrabungen auf dem Gräberfeld nicht nur von den Archäologen, sondern auch von den Staatssicherheitsbehörden fixiert, die das Denkmal in ihren Schutz genommen haben. Einheimische raubten im Jahre 1971 im Bereich des Gräberfeldes die vom Erdbeben zerstörten Grabbestattungen aus. Ein Blechfibelpaar mit Mittelgrad und Ansätzen auf der Kopfplatte, die unter anderen Funden beschlagnahmt wurde, ist den im Beitrag von M.Kazanski und M.Treister beschriebenen Fibeln ähnlich. Es befindet sich jetzt im Museum für Landeskunde der Krim [2, S. 122, Abb. 10]. In die Sammlung dieses Museums gerieten auch die Funde, die bei den am Tatort gefangenen Räufern im Jahre 1994 konfisziert wurden. Die Raubschürfe, die in den Jahren 1996 und 1999 auf dem Gräberfeld entdeckt wurden, hatten eine unzureichende Tiefe, um die in der obengenannten Publikation erwähnten Grabbeigaben unter einer mächtigen gerutschten Erdschicht zu finden. Die Verfasser selbst geben die Notwendigkeit bedeutender Erdarbeiten zu. Ausserdem hätten es am Fundort menschliche Knochen mit den Oxydspuren

von grossen Schnallen und Fibeln gegeben. Eine komplizierte geologische Situation im Bereich des Gräberfeldes von Lutschistoe erschwert seine Forschung, aber ist gleichzeitig ein Hindernis für seine Ausraubung.

Die im Beitrag betrachteten Adlerschnallen und Blechfibeln mit Mittelgrad [1, fig. 1, 1,2; 2] wurden sicher von einheimischen Meistern auf der Südwestlichen Krim hergestellt. Solches Trachtzubehör war in dieser Region weit verbreitet, was zahlreiche Fundbelege in den Gräberfeldern von Eski-Kermen, Baschtanowka, Tschufut-Kale, Skalistoe, Suuk-Su und Lutschistoe hat [3, S. 270, 272-273]. Auf der Südwestlichen Krim, die von Goten besiedelt war und als das von Prokop beschriebene Land Dori identifiziert wird, gehörte dieser Schmuck in der 2. Hälfte des 6. Jh. und im 7. Jh. zu den Bestandteilen der ethnischen barbarischen Frauentracht [3, S. 105, 107-111; 4, S. 109-110]. Ähnliche Adlerschnallen und Blechfibeln könnten auf dem beliebigen mittelalterlichen Gräberfeld der Südwestlichen Krim gefunden werden. In den 90er Jahren wurden die Raubgrabungen auch auf den Gräberfeldern in der Umgebung vom Mangup und an der krimischen Südküste bei Jalta durchgeführt. Räuber haben fast völlig das Gräberfeld Baklinskij ovrag, eine der ländlichen Nekropolen der Siedlung Bakla, vernichtet.

Die dritte Schnalle, Schnalle mit rechteckigem Beschlag, ist besonders beachtenswert [1, fig. 1,3]. Die Verfasser finden, dass die Schnalle von diesem Typ auf der Krim einzigartig ist ("Cette plaque-boucle, qui est l'unique de ce type en Crimée...") [1, p. 93]. Identische Schnallen sind tatsächlich auf der Krim unbekannt. Jedoch wurden typologisch nahe Schnallen mit rechteckigem Beschlag und Spiralrankenverzierung, Variante 3 nach A. Aibabin, in den Gräbern von Tschufut-Kale, Skalistoe, Suuk-Su und Kertsch gefunden [5, S. 30-31, Abb. 25; 26,1]. M. Kazanski und M. Treister haben eine wesentliche Konstruktionsbesonderheit der Schnalle ausser Betracht gelassen. Es geht um Niete - Nägel mit grossen halbsphärischen Köpfen. Sie befinden sich in den Ecken des Beschlags und dienen zur Befestigung der oberen und der unteren Beschlagplatten sowie zur Fixierung der Schnalle am Riemen. Gerade dieses Detail bezeugt entweder ihre lokale Produktion, oder zumindest Ihre Reparatur von einem einheimischen Meister. Ostrogotische Vorbilder, nach denen die krimischen Schnallen hergestellt wurden, haben Nägel mit kleinen flachen Köpfen und als Verzierung in den Beschlagecken Einfassungen für Stein- oder Glaseinlagen [6, Tav. IX, 1; XXXVI, 1; IL, 4; LXII, 3]. Alle Schnallen mit rechteckigem Beschlag und Kreuz- oder Tierdarstellung der Varianten 4-6 und viele Schnallen der Varianten 1 und 3 von der Südwestlichen Krim sind auch mit den Nägeln mit Köpfen versehen [5, Abb. 24, 1, 2, 5, 6; 25, 6].

Erstaunlich ist auch der Versuch der historischen Interpretation einiger ostrogotischer Funde des 6. Jh. von der Krim: "Il est très possible que lors des guerres gothiques en Italie un groupe d'Ostrogoths ait été déporté par Justinien en Crimée, pour renforcer la défense de la frontière pontique de l'Empire" [1, p. 94]. Die Autoren präzisieren nicht, ob es sich um die Südwestliche oder die Östliche Krim handelt. Inzwischen wird die byzantinische Politik unter Justinian in jeder von diesen Regionen ausführlich in den schriftlichen Quellen betrachtet. Byzantinische Truppen mit einem Tribun an der Spitze waren im ersten Jahr der Justinianischen Regierung in Bosphoros stationiert, um die Stadt und die Grenze zu sichern. Offensichtlich geht es um die im südlichen Italien einquartierten Einheiten, die aus Spaniern aufgestellt wurden [3, S. 94-95]. Das Vorhandensein von ostrogotischen Fibeln und Schnallen, Bestandteilen der Frauentracht, in Bosphoros lässt sich mit diesem Ereignis um so mehr nicht verbinden, weil die byzantinische Garnison in der Stadt bald danach von Hunnen vernichtet wurde. Im Jahre 527/528 schickte der Kaiser gegen die Hunnen seine Truppen aus Thrakien. Wie Johannes Malalas und Johannes von Nikiu berichten, waren unter den Soldaten auch Goten [3, S. 95]. Sie siedelten in Bosphoros mit ihren Familien an. Sowohl ostrogotische, als auch gepidische Bügelfibeln und grosse

Schnallen gerieten in die Stadt zu dieser Zeit [3, S. 100].

Prokop von Caesarea beschreibt ausführlich Tätigkeit von Justinian auf der Südwestlichen Krim. Der byzantinische Historiker berichtet über keine Verschiebung ostrogotischer Truppen von Italien in diese Region, um die Verteidigung des Reiches an der pontischen Grenze zu verstärken. Im Gegenteil, die einheimischen Goten, Einwohner des Landes Dori, zogen zusammen mit den Römern gegen deren Feinde ins Feld [7, S. 224, III, VII, 13].

Absurd ist die chronologische Einordnung von M.Kazanski und M.Treister, die sich die Funde ein oder zwei Jahrzehnte älter zu datieren bemühen. Dabei legen die Autoren keine neuen Argumente dar, sondern wenden charakteristische Merkmale an, die den Datierungen von A. Ambros und A. Aibabin zugrunde liegen. Die siebente chronologische Gruppe von krimischen Altertümern, die nach der Chronologie von A. Aibabin in das späte 6.Jh. und das erste Viertel des 7.Jh datiert wird, stammt nach der Meinung der Verfasser aus den letzten Jahrzehnten des 6.Jh. und dem Beginn des 7.Jh. [1, p. 93]. Sie argumentieren ihr Datum auf folgende Weise: "... des ensembles clos du groupe 7 de la chronologie d'A.I. Aibabin ... dont la datation absolue s'appuie sur une monnaie de 582/597-602 découverte dans la tombe 77 de Suuk-Su, contiennent des plaques-boucles danubiennes du type Sucidava. Ces dernières ne sont pas postérieures à l'extrême fin du VIe siècle" [1, p. 92]. Die Münze von Maurice aus dem Grab 77 der Nekropole Suuk-Su wird von den Autoren in den Zeitraum zwischen 582/597 und 602, die ganze Regierungszeit des Kaisers, datiert. Die Verfasser haben nicht berücksichtigt, dass diese Münze ein in Cherson geprägtes, kupfernes Tetranummus mit der Darstellung von Maurice und seiner Frau Constantina auf der Vorderseite und ihres Sohnes Theodosius auf der Rückseite ist [8, S. 23]. Viele Numismatiker führen den Anfang der Ausgabe der Münzen mit der Darstellung von Theodosius auf die Zeit seiner Krönung am 26. März 590 zurück [9, S. 341; 10, S. 363; 11, S. 22-23]. Falls er nicht als Kind, sondern als junger Mann dargestellt ist, verbindet W. Wroth die Ausgabe der "Familienmünzen" mit der voraussichtlichen Aufteilung des Reiches im Jahre 596/597, nach der Theodosius in Konstantinopel und im östlichen Teil des Landes regiert [12, p. XXII]. Nach Ph. Grierson wurden die chersonischen Münzen im Jahre 602, am Ende der Regierung von Maurice, geprägt [13, p. 373].

M.Kazanski und M.Treister folgen S. Uenze und teilen die Meinung von J. Werner, dass die Schnallen vom Typ Sucidava nach dem Untergang der Befestigungen des Donauer Limes zu Ende des 6.Jh. aus dem Gebrauch kamen [14, S. 184-187]. Nach den schriftlichen Quellen existierten diese Festungsanlagen bis 614/615, wie zum Beispiel, die Befestigung Caričin Grad, in deren byzantinischen Schicht diese Schnallen gefunden sind [15, S. 179, Taf. XI, 26, 27]. Z. Vinski schreibt, dass die Schnallen vom Typ Sucidava im byzantinischen Donaugebiet auch nach dem Jahre 600 getragen wurden [16, S. 39]. Auf der Krim waren sie noch in der ersten Hälfte des 7.Jh. Mode [5, Abb. 2, 95]. In den Kammergräbern 80 von Tschufut-Kale und 107 von Skalistoe lagen zusammen mit den Schnallen Teile von heraldischen Gürtelgarnituren des 7.Jh. [5, Abb. 2, 104, 128, 155; 17, S. 12, Abb. 5, 4, 6-11]. Eine nierenförmige Schnalle der Variante 6 aus der ersten Hälfte des 7.Jh. ist auch zusammen mit der Schnalle vom Typ Sucidava im Kammergrab 153 vom Gräberfeld Suuk-Su am Skelett gefunden [5, S. 40, Abb. 2, 96; 39, 8; 18, S. 117, Taf. XV, 17].

So zeigen die Münze von Maurice aus dem Zeitraum zwischen 590/597 und 602 und die Schnalle vom Typ Sucidava, die als Grundlagen der chronologischen Einordnung von M.Kazanski und M.Treister dienen, die Haltlosigkeit der von den Autoren vorgeschlagenen Datierung der siebenten chronologischen Gruppe von krimischen Altertümern. Die Datierung jeder chronologischen Gruppe von A. Aibabin beruht nicht auf den getrennten Funden, sondern auf dem vielmaligen Zusammentreffen einer Fundreihe von einem Typ in einem geschlossenen Fundkomplex und der Stratigraphie der Bestattungen in mehrschichtigen Kammergräbern [3, S. 249-284; 5, S. 59-64]. Die Chronologie der frühmittelalterlichen Altertümern von der Krim kann natürlich präzisiert und verbessert werden. Jedoch ist das möglich nur auf Grund der neuen geschlossenen Fundkomplexe.